
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

УДК 347.19(347.72)

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО БЕЛАРУСИ: ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Е. А. САЛЕЙ¹⁾, Л. В. ЦАРЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Развитие корпоративных отношений и совершенствование законодательства о юридических лицах происходят в Беларуси на фоне отсутствия в действующем национальном законодательстве специальной терминологии корпоративного права. Авторы подвергают анализу законодательство о юридических лицах корпоративного типа, дают критическую оценку новелл и прогнозируемых изменений такого законодательства с позиции доктрины и практики, посредством компаративного подхода демонстрируют национальную специфику регулирования корпоративных отношений. Положительно оцениваются инициативы по реновации корпоративного права Беларуси в части коллизионного регулирования и восполнения пробелов в праве хозяйственных обществ, вместе с тем подвергаются критике предложения по систематизации юридических лиц и нерешительность в отношении модернизации правового регулирования акционерных обществ.

Ключевые слова: корпоративное право; юридическое лицо; хозяйственное общество; акционерное общество; корпоративное управление; акционерное соглашение; статут юридического лица.

Образец цитирования:

Салей ЕА, Царёва ЛВ. Корпоративное право Беларуси: иллюзия или реальность. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2021;1:66–74.

For citation:

Salei AA, Tsarova LV. Belarusian corporate law: illusion or reality. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2021;1:66–74. Russian.

Авторы:

Елена Анатольевна Салей – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского права юридического факультета.

Людмила Васильевна Царёва – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского права юридического факультета.

Authors:

Alena A. Salei, PhD (law), docent; associate professor at the department of civil law, faculty of law.

esalei@tut.by

Liudmila V. Tsarova, PhD (law), docent; associate professor at the department of civil law, faculty of law.

tsareva@bsu.by

BELARUSIAN CORPORATE LAW: ILLUSION OR REALITY

A. A. SALEI^a, L. V. TSAROVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. A. Salei (esalei@tut.by)

Development of corporate relations and improvement of legislation on legal entities take place in Belarus against the background of absence of special terminology of corporate law in the current national legislation. The authors analyse legislation on legal entities of corporate type, provide critical assessment of innovations and planned amendments of such legislation from the standpoint of doctrine and practice, demonstrate the national specificity of corporate relations' regulation through a comparative analysis. The authors positively evaluate the initiatives on renovation of Belarusian corporate law in terms of conflict of laws and filling the gaps in law on economic companies. However, the authors criticise some proposals on systematisation of legal entities and indecisiveness in terms of modernisation of legal regulation of joint stock companies.

Keywords: corporate law; legal entity; economic company; joint stock company; corporate management; shareholder's agreement; law applicable to legal entity.

Введение

Действующее законодательство Республики Беларусь не оперирует специальной терминологией корпоративного права. В Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) не легализованы такие понятия, как «корпорация», «корпоративное отношение», «корпоративное право», «корпоративное управление». В рамках работы по совершенствованию ГК предложено расширить предмет гражданско-правового регулирования, дополнив его «отношениями, связанными с участием в юридических лицах или с управлением ими»¹, т. е. по сути корпоративными отношениями. Более существенных изменений в вопросе легализации категорий корпоративного права на данном этапе не ожидается.

Объективные предпосылки постановки вопроса о состоянии корпоративного права Беларуси в настоящее время связаны с процессами обновления базовых нормативных правовых актов, определяющих правовое положение национальных юридических лиц корпоративного типа.

5 января 2021 г. был принят Закон Республики Беларусь № 95-З «Об изменении законов по вопросам хозяйственных обществ» (далее – Закон от 5 января 2021 г.), который вступает в силу 28 апреля 2021 г. Документ влечет множественные изменения, в том числе новеллы, в регулировании деятельности акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью и обществ с дополнительной ответственностью.

В настоящее время в режиме сквозного комплексного пересмотра находится ГК, закрепляющий основы правового регулирования деятельности всех видов юридических лиц. Нормативно установленными задачами его совершенствования, в том числе в части регулирования деятельности юридических лиц, выступают учет практики применения, закрепление новых институтов гражданского права, а также унификация законодательства государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Результаты деятельности по реновации ГК представлены в проекте Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь» (далее – проект закона о внесении изменений в ГК).

Кроме того, в конце 2019 г. на публичное обсуждение был представлен проект закона о государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования, который нацелен на комплексное правовое регулирование процедур государственной регистрации и ликвидации юридических лиц – субъектов хозяйствования [1].

В статье анализируются новеллы и перспективные направления изменения законодательства о юридических лицах в сфере материального и коллизионного регулирования в контексте соответствия современным мировым и региональным тенденциям развития корпоративного права.

Основная часть

Корпоративное право и система юридических лиц. Вследствие отсутствия категориального аппарата корпоративного права на данном этапе не

поднимается вопрос о легализации видовой классификации юридических лиц по способу управления на корпоративные (учредители обладают правом

¹О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь : проект закона Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmenenija_v_kodeksi.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

участия (членства) в них и формируют их высший орган) и унитарные (учредители не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства), характерной, в частности, для Российской Федерации. Это связано не только с дискуссионностью самих понятий в доктрине, весьма различающимися подходами в континентальной и англо-американской системах права, но и неготовностью национального законодателя к комплексному реформированию системы юридических лиц, сопряженному с введением классификации по данному основанию (корпоративные и унитарные организации).

В качестве системообразующей в белорусском законодательстве сохраняется предложенная Модельным Гражданским кодексом для государств – участников Содружества Независимых Государств и нехарактерная для дальнего зарубежья классификация юридических лиц на коммерческие и некоммерческие [2, с. 24–27]. В ГК сохраняется закрепленный в настоящее время подход к критериям классификации юридических лиц на коммерческие и некоммерческие в зависимости от основной цели деятельности и допустимости распределения полученной прибыли между участниками (п. 1 ст. 46 ГК).

Ставя цель реализовать на уровне ГК принцип *numerus clausus* не только для коммерческих, но и для некоммерческих юридических лиц, разработчики проекта закона о внесении изменений в ГК предложили сокращенный по сравнению с действующим вариантом перечень организационно-правовых форм коммерческих организаций из 5 форм, а также сформировали закрытый перечень форм некоммерческих организаций из 18 позиций.

Даже при отсутствии легализованного понятия корпорации вследствие неоднозначности отнесения организаций корпоративного типа к коммерческим (некоммерческим) юридическим лицам, бесспорно, в качестве корпоративных квалифицируются такие закрепленные в действующем ГК организационно-правовые формы коммерческих организаций, как хозяйственные товарищества и хозяйственные общества.

Сократить перечень форм коммерческих организаций Беларуси предложено за счет устранения хозяйственных товариществ. Разработчики проекта закона о внесении изменений в ГК исключили возможность создания коммерческой организации в форме хозяйственного товарищества (полного или командитного) по формальному основанию, сославшись на ее не востребованность на практике и указав, что со времени вступления в силу ГК в Республике Беларусь было создано всего три хозяйственных товарищества (одно полное и два командитных)².

Такой учет практики представляется формальным аргументом, поскольку не востребованность хозяйственных товариществ в обороте предопределяется целым рядом как объективных, так и субъективных обстоятельств. В частности, в законодательстве имеют место ограничения по субъектному составу, выражающиеся в том, что участниками полных товариществ и полными товарищами в командитных товариществах могут быть только физические лица со статусом индивидуального предпринимателя и (или) коммерческие организации. В сочетании с солидарным характером полной субсидиарной ответственности участников собственным имуществом по обязательствам товарищества и отсутствием налоговых преимуществ это приводит к тому, что организационно-правовая форма хозяйственного товарищества в Беларуси практически не используется.

С нашей точки зрения, упразднение хозяйственных товариществ как не востребованной практикой организационной формы корпоративного типа является преждевременным без учета оценки сферы применения (преимущественно малый бизнес), существенных характеристик данной организационно-правовой формы (простота создания и функционирования, доверительный характер отношений между участниками), возможности изменения законодательной модели данной формы и степени ее узнаваемости (признания) в зарубежных государствах.

Требует серьезного осмысления и инициатива разработчиков по установлению перечня некоммерческих организаций путем включения в него 18 организационно-правовых форм. Заметим, что подавляющее большинство из них построены по типу корпоративных организаций.

Не вызывает сомнений тот факт, что действующее положение, когда перечень форм некоммерческих организаций не закреплен в ГК, а является условно закрытым рамками законодательных актов (законы, декреты и указы Президента Республики Беларусь), требует изменений. Причиной тому служат отсутствие определенности относительно возможных форм функционирования некоммерческих юридических лиц, и, соответственно, проблематичность определения их гражданско-правового статуса и соотношения с иными формами юридических лиц.

Вместе с тем едва ли фиксация в ГК всех созданных на основании специальных законодательных актов видов некоммерческих организаций может упорядочить и систематизировать перечень допустимых форм некоммерческих юридических лиц. Исходя из предложенной системной структуры параграфа 5 («Некоммерческие организации») гл. 4 ГК («Юридические лица»), как объединенная форма

²Обоснование необходимости принятия Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь» (2018) [Электронный ресурс]. URL: https://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmeneniya_v_kodeksi_obosnovanie.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

выступают адвокатские бюро и коллегии адвокатов (ст. 116-3 ГК), в качестве единой организационно-правовой формы некоммерческой организации сохранены общественные объединения и религиозные организации (ст. 117 ГК), что с точки зрения сущностной оценки и специфики таких юридических лиц не является оправданным. Обращает на себя внимание необоснованность выделения в качестве самостоятельной формы садоводческих товариществ, промышленно-торговой палаты и ряда иных юридических лиц.

На отсутствие смысла искусственно множить организационно-правовые формы юридических лиц при легализации их перечня неоднократно указывалось в доктрине. Профессор Н. С. Кузнецова, в частности, считает, что разные виды юридических лиц частного права могут существовать в рамках лишь двух форм (обществ и учреждений), иных форм в правовой реальности быть не должно [3, с. 348]. Работая над концепцией развития гражданского законодательства о юридических лицах, в контексте правового регулирования некоммерческих организаций профессор Е. А. Суханов писал о том, что «каждый закон в данной области создает новую организационно-правовую форму – политическую партию, профсоюз, общественную организацию, торговую палату, адвокатское объединение... Ведь в действительности речь идет не о новых организационно-правовых формах юридических лиц, а о разновидности корпоративного объединения» [4, с. 7]. Автор справедливо подчеркивает, что «разнообразие осуществляемой некоммерческими корпорациями общественно полезной деятельности никак не влияет на их гражданско-правовое положение, а потому исключает необходимость выделения их разновидностей как особых видов юридических лиц» [5, с. 94]. Тем не менее в российском правопорядке даже после реформирования гражданского законодательства 2014 г. сохранилось «чрезмерное, явно избыточное количество организационно-правовых форм некоммерческих организаций» [5, с. 94], что, вероятно, станет характерным и для Беларуси.

Хозяйственные общества – корпорации. Хозяйственные общества могут быть определены как классическая и одновременно наиболее распространенная форма организаций корпоративного типа.

Прежде чем непосредственно характеризовать инициативы по изменению права хозяйственных обществ, следует обратить внимание на то, что с позиции модели правового регулирования Беларусь относится к государствам с единым правовым режимом для всех хозяйственных обществ. С юриди-

ко-технической точки зрения это проявляется в регулировании всех видов хозяйственных обществ одним нормативным правовым актом, а не самостоятельными законами. В Беларуси такая модель регулирования обществ была реализована еще при принятии закона об акционерных обществах, обществах с ограниченной ответственностью и обществах с дополнительной ответственностью и сохраняется по сей день в законе Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах» (далее – Закон от 9 декабря 1992 г.), где первые семь глав являются своего рода общей частью для всех видов хозяйственных обществ.

Беларусь является единственной страной, воспринявшей *one-law model* на пространстве ЕАЭС. Среди европейских стран аналогичный подход имеет место в Великобритании, Швеции, Дании, Испании и некоторых других государствах. Проект Европейского модельного акта о компаниях³ также разработан экспертной группой на основе *one-law model*, несмотря на то что многие страны Европейского союза придерживаются дуализма в регулировании частных и публичных компаний, следуя главным образом немецкой модели обособления их правовых режимов.

Не останавливаясь на дискуссии о преимуществах и недостатках той или иной модели, согласимся с экспертами корпоративного права в том, что *one-law model* характерна для стран с относительно мягким и либеральным акционерным законодательством [6, с. 63], в то время как разграничение регулирования публичных акционерных обществ и частных корпораций чаще существует в тех государствах, где вопрос обеспечения необходимой степени автономности в условиях «зарегулированных акционерных обществ» более актуален [7, с. 4].

Видовая классификация хозяйственных обществ в Беларуси является устоявшейся, не изменяемой с момента первоначальной «современной» легализации в начале 1990-х гг., и включает акционерное общество (далее – АО), общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО) и общество с дополнительной ответственностью (далее – ОДО).

Наиболее популярным видом хозяйственных обществ на практике выступает ООО. По данным Министерства юстиции Республики Беларусь, из 8725 хозяйственных обществ, созданных в Беларуси в 2018 г., 8675 (более 99 %) составили ООО, 41 – АО и лишь 9 – ОДО. Кроме того, ООО представляет собой единственный вид хозяйственных обществ, число которых в течение последних пяти лет растет⁴, а не уменьшается. Факторы, предопределяющие востребованность ООО, очевидны:

³The European model company act (EMCA): draft (2015) [Electronic resource]. URL: https://law.au.dk/fileadmin/Jura/dokumenter/forskning/projekter/EMCA/EMCA_Introduktion.pdf (date of access: 15.02.2021).

⁴Если по состоянию на 1 января 2016 г. существовало 50 371 ООО, то на начало 2020 г. их число составило 65 203 [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_18023/ (дата обращения: 15.02.2021).

четкая и понятная, в том числе для иностранных инвесторов, организационная структура общества, механизм ограничения ответственности участников пределами вклада в уставный фонд, возможность отчуждения доли и выхода из состава участников, незначительные имущественные и временные затраты на стадии создания, в том числе с учетом отсутствия законодательно установленного минимального размера уставного фонда. Одно из отличий от западных правовых порядков, где ООО может создаваться с любой целью, заключается в жесткой принадлежности ООО к категории коммерческих организаций, нацеленных на извлечение прибыли.

Неудивительно, что ОДО в более чем 160 раз проигрывает ООО по востребованности. Как разновидность хозяйственных обществ ОДО стала утрачивать свою популярность после вступления в силу 1 февраля 2009 г. Декрета Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования», отменившего нормативно установленный минимальный размер уставного капитала для ООО и ОДО. До этого, когда разница между размерами минимального уставного фонда ООО и ОДО была существенна и составляла около 1200 евро, выбор в пользу ОДО являлся ощутимым преимуществом на стадии создания бизнеса, что отражалось на их количестве. Исчезновение такого различия на фоне субсидиарной ответственности участников ОДО (хотя законодательно установленный минимальный размер такой ответственности весьма условен и формален; согласно действующему законодательству он составляет сумму, эквивалентную 50 базовым величинам, т. е. около 450 евро) объясняет резкое падение интереса к ОДО на практике. Тем не менее белорусский законодатель не последовал примеру Российской Федерации, где аналогичная разновидность хозяйственных обществ была упразднена в рамках реформы 2014 г.

Количество вновь создаваемых АО в Беларуси относительно невелико, поскольку их образование (если это не банки и страховые организации, где форма predetermined законодательно) преимущественно связано с реорганизацией в процессе приватизации государственных унитарных предприятий. Статистика показывает, что общее число АО за последние пять лет уменьшилось с 4001 в 2016 г. до 3528 в 2020 г.⁵ Не вызывает сомнений, что наиболее значимыми импульсами в развитии крупного биз-

неса, для которого по своей сути и предназначена организационная форма АО, выступают экономическое и политическое положения. Вместе с тем немаловажным является и юридическое оформление конструкции АО.

Проект закона о внесении изменений в ГК сохраняет традиционное разграничение акционерных обществ на открытые (далее – ОАО) и закрытые (далее – ЗАО) в зависимости от порядка размещения и обращения акций. При этом следует заметить, что в Законе от 5 января 2021 г. видовые отличительные особенности АО подверглись существенному пересмотру. Снято одно из основных разграничений между закрытым и открытым акционерными обществами путем закрепления в качестве общего правила свободного отчуждения акций ЗАО. Преимущественное право покупки акций ЗАО его акционерами может быть предусмотрено уставом соответствующего общества в индивидуальном порядке (новые редакции ст. 97 ГК и ст. 73 Закона от 9 декабря 1992 г.). В соответствии с Законом от 5 января 2021 г. не требует согласия ЗАО переход акций по наследству. Отменено и императивное количественное ограничение участников ЗАО, число которых ранее не могло превышать 50. В соответствии с действующим законодательством ограничения по количеству участников могут быть установлены уставом конкретного ЗАО. Полагаем, что указанные изменения следует рассматривать как первый шаг законодателя к отказу от деления акционерных обществ на закрытые и открытые в пользу соответствующей общим тенденциям в развитии корпоративного права систематики деления на публичные и непубличные общества в зависимости от порядка размещения акций.

Корпоративное управление. С учетом мировой тенденции повышения стандартов корпоративного управления [8, с. 518] белорусский законодатель также уделяет внимание этим вопросам. В отличие от многих стран, где широкое распространение и признание получили источники регулирования мягкого права (Руководство по практике корпоративного управления в Европейском союзе⁶, Немецкий кодекс корпоративного управления⁷, Кодекс корпоративного управления Российской Федерации⁸), основным источником правового регулирования вопросов корпоративного управления в Беларуси остается гл. 4 Закона от 9 декабря 1992 г. «Органы хозяйственного общества. Управление в хозяйственном обществе», куда

⁵Статистический ежегодник Республики Беларусь 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation (дата обращения: 15.02.2021).

⁶A guide to corporate governance practices in the European Union available [Electronic resource]. URL: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/506d49a2-3763-4fe4-a783-5d58e37b8906/CG_Practices_in_EU_Guide.pdf?MOD=AJPERES&CVID=kNmXTtG (date of access: 15.02.2021).

⁷Deutscher corporate governance codex [Electronic resource]. URL: <https://www.dcgk.de/en/code//foreword.html> (date of access: 15.02.2021).

⁸Кодекс корпоративного управления Российской Федерации (2014) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/daf/ca/RussianCodeofCorporateGovernance2014Russian.pdf> (дата обращения: 15.02.2021).

вносится значительное количество изменений и дополнений.

В частности, Законом от 5 января 2021 г. легализована дистанционная форма участия в собраниях и иных заседаниях в хозяйственных обществах; расширена компетенция совета директоров (наблюдательного совета) АО в части урегулирования споров между органами управления акционерного общества, определения корпоративных правил, осуществления контроля за эффективностью практики корпоративного управления. Новыми в статьях, определяющих правовое положение совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества, являются нормы об оспаривании решений данного органа управления и сроках оспаривания, о досрочном прекращении полномочий единоличного исполнительного органа и члена коллегиального исполнительного органа хозяйственного общества без принятия решения общего собрания участников либо совета директоров (наблюдательного совета). Такие положения восполняют существующие на данный момент пробелы регулирования.

Вместе с тем остается актуальным для практики вопрос о том, допустимо ли оспаривание решений совета директоров (наблюдательного совета) по вопросу о заключении крупной сделки (если это находится в его компетенции) без оспаривания ее самой. А легализованный перечень случаев досрочного прекращения полномочий (смерть, объявление умершим, признание недееспособным или безвестно отсутствующим) не учитывает институт признания лица ограниченно дееспособным. Предусмотренный ГК объем дееспособности, в том числе сделкоспособности, лица, признанного ограниченно дееспособным, не позволит осуществлять функции исполнительного органа хозяйственного общества.

Акционерные соглашения и договоры об осуществлении прав участников ООО (в теории именуемые корпоративными соглашениями) как дополнительные к уставу инструменты регулирования отношений между партнерами по бизнесу, признанные зарубежным законодательством и практикой, были легализованы в Беларуси в 2015 г. Вместе с тем до настоящего времени они не получили широкого распространения в связи с потенциальными проблемами их исполнимости на фоне преимущественно императивного законодательства о хозяйственных обществах, в том числе императивных положений о преимущественном праве покупки,

которое в Беларуси с учетом сложившейся практики (в противовес общепринятому в доктрине подходу) распространяется и на продажу акций (долей в уставном фонде) одному из участников корпорации [9]. Свою роль в этом сыграли и ограничения в отношении субъектного состава корпоративных соглашений, участниками которых не могли выступать все члены корпорации, а также само общество. Исключение из общего правила было установлено только в отношении резидентов Парка высоких технологий (далее – ПВТ), которые вправе заключать корпоративные соглашения между всеми участниками, а также с участием самого резидента ПВТ⁹. Со вступлением в действие Закона от 5 января 2021 г. ограничения в отношении допустимости заключения акционерных соглашений всеми участниками общества отменены. Эта новелла в совокупности с закреплением диспозитивности преимущественного права покупки при отчуждении акций участнику общества, опционов¹⁰ и механизма конвертируемого займа¹¹ должна активировать институт корпоративных соглашений.

Коллизионное регулирование юридических лиц корпоративного типа. Особую актуальность в контексте исследуемых отношений в настоящее время приобретают вопросы коллизионного права, которое, в отличие от права материального, весьма архаично.

Инициативы в области коллизионного регулирования права юридических лиц коснулись корпоративных соглашений и сферы действия статута юридического лица.

Действующее коллизионное законодательство Беларуси не содержит специальных норм об определении права, применимого к договорам, связанным с осуществлением прав участниками корпоративной организации. На фоне императивного подчинения закона юридического лица (ст. 1111 ГК) и договора о создании юридического лица (ст. 1126 ГК) праву места учреждения указанное вызывает дискуссию в доктрине и сложности в правоприменительной практике при разрешении вопросов о возможности применения автономии воли к корпоративным соглашениям, а также при разграничении сферы действия статута юридического лица и обязательственного статута таких договоров.

Применительно к вопросу о допустимости подчинения корпоративных соглашений, заключаемых участниками белорусских хозяйственных обществ, иностранному праву на начальном этапе развития

⁹О развитии цифровой экономики : Декрет Президента Респ. Беларусь от 21 дек. 2017 г. № 8 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2021.

¹⁰Для всех видов хозяйственных обществ легализована возможность предоставления опционов работникам, членам исполнительного органа, совета директоров (наблюдательного совета) через эмиссию акций дополнительного выпуска (приобретения обществом доли на баланс) в целях последующей продажи или безвозмездной передачи указанным лицам.

¹¹Законом от 5 января 2021 г. введены положения, которые позволяют реализовать механизм конвертируемого займа путем зачета денежных требований при внесении дополнительных вкладов в уставный фонд (оплате акций дополнительного выпуска).

трансграничных соглашений доминирующей была позиция, согласно которой все отношения участников (акционеров) хозяйственного общества, учрежденного в Беларуси, должны разрешаться на основе отечественного законодательства.

Противоположная позиция основывается на том, что договорная природа корпоративных соглашений предопределяет право сторон на выбор применимого к их отношениям права. Ее приверженцы не оспаривают связь корпоративных соглашений с внутренними отношениями юридического лица, регулируемые законом его государственной принадлежности, и придают закону юридического лица роль ограничителя автономии воли ввиду необходимости соблюдения акционерами (участниками) императивных норм, касающихся существенных вопросов создания, деятельности и правоспособности юридического лица [10, с. 20].

Предлагаемая новая редакция ст. 1126 ГК, содержащаяся в проекте закона о внесении изменений в ГК, базируется на последней позиции. Новеллы предусматривают право сторон подчинить договор об осуществлении прав участников общества иностранному праву. При этом законодатель ограничивает автономию воли сторон, указывая, что выбор права, подлежащего применению к договору, связанному с осуществлением прав участника юридического лица, не может затрагивать действие императивных норм права страны учреждения юридического лица по вопросам, определяемым на основании закона последнего.

Специальной формулой прикрепления для определения права, применимого к корпоративному соглашению, в случае, когда стороны не определили применимое право самостоятельно, будет выступать право страны, в которой учреждено юридическое лицо, что обеспечит единство правового регулирования отношений между сторонами корпоративного соглашения и тесно связанных с ними внутренних отношений общества, императивно регулируемых статутом юридического лица.

Кроме того, проект закона о внесении изменений в ГК устраняет пробел по вопросу о сфере действия закона юридического лица путем закрепления в ст. 1112 ГК открытого перечня отношений, регулируемых соответствующим статутом. Согласно новой редакции на основе закона юридического лица определяются, в частности, статус в качестве юридического лица; организационно-правовая форма юридического лица; требования к наименованию юридического лица; характер и содержание правоспособности юридического лица; полномочия органов юридического лица; вопросы внутренних отношений, в том числе взаи-

модействия юридического лица с его участниками; вопросы создания, ликвидации и реорганизации юридического лица, в том числе вопросы правопреемства; правовой статус обособленных подразделений (в том числе филиалов, представительств); способность юридического лица отвечать по своим обязательствам; вопросы ответственности учредителей (участников) юридического лица по его обязательствам.

Предлагаемый перечень во многом перекликается с положениями проекта правил о праве, применимом к компаниям и другим учреждениям, представленного на обсуждение в сентябре 2016 г. европейской группой экспертов по международному частному праву с целью принятия нормативного унифицированного акта на уровне ЕС¹².

Влияние права ЕАЭС на корпоративное право Беларуси. В отличие от ЕС, где реализация свободы учреждения уже на начальном этапе сопровождалась значительным воздействием на право государств-членов о компаниях, в рамках ЕАЭС свободе учреждения придается второстепенное значение. Свобода учреждения не упоминается в ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС), не отнесена в ст. 2 к свободам, формирующим общий (единый) рынок, а регулируется разделом XV Договора о ЕАЭС «Торговля услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций» и одноименным протоколом, являющимся приложением № 16 к Договору о ЕАЭС. Для обеспечения свободы учреждения государства – члены ЕАЭС договорились осуществлять поэтапную либерализацию учреждения путем гармонизации законодательства государств-членов и организации взаимного административного сотрудничества их компетентных органов. Однако активных действий в данном направлении пока не предпринимается.

Поставленная в Беларуси задача по унификации гражданского законодательства в рамках ЕАЭС носит скорее инициативный характер и не основана на некоей концепции, стратегии или разработанном плане действий всех государств-членов по гармонизации национального корпоративного права.

Вместе с тем участие Беларуси в ЕАЭС потенциально может оказать существенное влияние на развитие национального корпоративного права, поскольку общий (единый) рынок в рамках ЕАЭС придает национальному корпоративному праву значение одного из параметров конкуренции правопорядков. Состояние корпоративного права учитывается инвесторами наряду с такими важными факторами, как наличие квалифицированной рабочей силы на рынке труда и система

¹²European group for private international law, draft rules on the law applicable to companies and other bodies (2016). Art. 5 [Electronic resource]. URL: <https://www.gedip-egpil.eu/documents/Milan%202016/GEDIPs%20Proposal%20on%20Companies.pdf> (date of access: 15.02.2021).

налогообложения в соответствующей стране. Участники рынка оценивают преимущества конкуренции в области регулирования права компаний значительно выше, чем, например, в договорном праве [11, с. 113, 346].

Обстоятельство, что во всех странах ЕАЭС воспринята теория инкорпорации, дает возможность инвесторам воспользоваться преимуществами права компаний того или иного государства – участника ЕАЭС, даже если бизнес будет ориентирован на другие страны.

Характерная для интеграционных процессов конкуренция национальных правовых порядков, которая стимулирует государства – члены ЕС реагировать на привлекательные для бизнеса институты¹³

в тех или иных странах, на современном этапе интеграции в ЕАЭС пока не дает ощутимых импульсов для реагирования. Тем не менее законодателю не следует упускать из вида это значение корпоративного права.

В пользу создания внутренне согласованной, транспарентной и эффективной системы юридических лиц с развитым акционерным законодательством, которая была бы понятной, безопасной и привлекательной для учредителей, выступает аргумент о том, что вопрос о создании наднациональных евразийских компаний на настоящем этапе интеграции неактуален ввиду отсутствия экономических предпосылок и эффективного правового инструментария.

Заключение

Отсутствие легализации категориального аппарата корпоративного права само по себе не опровергает наличие корпоративных отношений, урегулированных правом. Основываясь на общей оценке действующего национального законодательства о юридических лицах корпоративного типа, можно утверждать, что корпоративное право Беларуси есть объективная реальность. От принятия национального корпоративного права как объективно существующей реальности зависит сама перспектива его понимания и определение путей развития, а соответственно, направлений и интенсивности совершенствования корпоративного законодательства.

Инициативы законодателя в части систематизации юридических лиц (исключение хозяйственных товариществ как организационно-правовой формы корпоративной организации, по сути формальное закрепление на уровне кодифицированного акта всех ныне существующих видов и форм некоммерческих организаций, сохранение ОДО как разновидности хозяйственных обществ) не претендуют на целостность и глубину, поскольку являются результатом выборки действующего законодательства и формального учета практики, а не сущностного осмысления соотношения между организационно-правовыми формами юридических лиц.

Корректировка правового регулирования хозяйственных обществ не носит концептуального характера, поскольку не усиливает регламентацию ОАО как публичной компании и сохраняет как минимум три сходных варианта организации для мелкого и среднего бизнеса (ООО, ОДО и ЗАО). Вместе с тем реновация восполняет целый ряд имеющихся пробелов нормативного регули-

рования, в частности по вопросам реорганизации обществ, корпоративного управления, реализации прав участников на получение информации, в связи с чем в целом может быть расценена как достаточно результативная. При условии эволюции экономических отношений первоочередного внимания в дальнейшем потребует акционерное законодательство, поскольку оно ориентировано на регламентацию форм осуществления более крупного и, как правило, трансграничного бизнеса, что требует ориентации на международные достижения и опыт.

Имеющие место многочисленные национальные отличия, в том числе по формам корпоративных организаций, от подходов иных государств – членов ЕАЭС не вызывают беспокойства, поскольку в качестве ключевой задачи при определении направлений развития корпоративного законодательства на национальном уровне представляется целесообразным рассматривать не абсолютизацию стремления к унификации в рамках интеграционных объединений, а создание внутренне согласованной, транспарентной и эффективной в работе системы юридических лиц, сохраняющей национальную специфику.

Концептуально новые положения о коллизионном регулировании корпоративных соглашений и их содержательное наполнение в совокупности с легализацией сферы действия закона юридического лица позволяют характеризовать перспективное совершенствование коллизионного законодательства о юридических лицах как сущностное, направленное на поддержку материального регулирования и соответствующее современным мировым тенденциям.

¹³Например, реакцией на привлекательность английского *limited* стало создание в иных странах ЕС разновидности ООО, не требующего внесения значительного минимального уставного капитала: в 2008 г. – GmbH ohne gesetzliches Mindestkapital в Германии, в 2010 г. – *societe privee a responsabilite limitee Starter* в Бельгии (уставный фонд от 1 до 18 550 евро; в 2012 г. – *societa a responsabilita limitata simplificata* в Италии (уставный капитал от 1 до 10 000 евро).

Библиографические ссылки

1. Салей ЕА. Правовое регулирование государственной регистрации юридических лиц: концепция совершенствования. В: Лосев ВВ, редактор. *Право. Экономика. Социальное партнерство: сборник докладов Международной научно-практической конференции; 26 марта 2020 г.; Минск, Беларусь. Часть 1.* Минск: МИТСО; 2020. с. 629–634.
2. Салей ЕА. Институт юридического лица в Гражданском кодексе Республики Беларусь: состояние и перспективы развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2019;1:23–31.
3. Кузнецова НС. *Поняття і класифікація юридичних осіб у цивільному праві України: теорія і практика.* Київ: Юридична практика; 2014. с. 335–354.
4. Суханов ЕА. О концепции развития законодательства о юридических лицах. *Журнал российского права.* 2010; 1:5–12.
5. Суханов ЕА. О систематике юридических лиц в современном российском праве. В: Медведев ДА, редактор. *Кодификация российского частного права.* Москва: Статут; 2019. с. 83–96.
6. Fleischer H. Die geschlossene Kapitalgesellschaft im Rechtsvergleich. *Zeitschrift für Unternehmens- und Gesellschaftsrecht.* 2016;45(1):36–83.
7. Кузнецов АА, редактор. *Корпоративное право в ожидании перемен.* Москва: М-Логос; 2020. 462 с.
8. Du Plessis JJ, Luttermann C. Corporate governance in the EU, the OECD principles of corporate governance and corporate governance in selected other jurisdictions. In: Du Plessis JJ, Großfeld B, Luttermann C, Saenger I, Sandrock O, Casper M. *German corporate governance in international and European context.* Berlin: Springer; 2007. p. 215–256.
9. Салей ЕА, Шуба ЮА. Отдельные аспекты осуществления преимущественного права покупки участника хозяйственного общества. *Право.by.* 2017;6:59–63.
10. Салей ЕА, Царева ЛВ. Совершенствование коллизионного законодательства о юридических лицах в свете реформирования Гражданского кодекса Республики Беларусь. *Право.by.* 2018;4:18–22.
11. Базедов Ю. *Право открытых обществ – частное и государственное регулирование международных отношений: общий курс международного частного права.* Москва: Норма; 2016. 384 с.

References

1. Salei AA. [Legal regulation of state registration of legal entities: the concept of improvement]. In: Losev VV, editor. *Pravo. Ekonomika. Sotsial'noe partnerstvo: sbornik dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 26 marta 2020 g.; Minsk, Belarus'. Chast' 1* [Law. Economics. Social partnership: collection of reports of the International scientific-practical conference; 26 March 2020; Minsk, Belarus. Part 1]. Minsk: International University «MITSO»; 2020. p. 629–634. Russian.
2. Salei AA. Notion of legal entity in the Civil Code of the Republic of Belarus: current state and development prospects. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2019;1:23–31. Russian.
3. Kuznjecova NS. *Ponjattja i klasyfikacija jurydychnyh osyb u civil'nomu pravi Ukrai'ny: teorija i praktyka* [Notion and classification of legal entities in the civil law of Ukraine: theory and practice]. Kyiv: Jurydychna praktyka; 2014. p. 335–354. Ukrainian.
4. Sukhanov EA. About the development of concept for legal person legislation. *Journal of Russian Law.* 2010;1:5–12. Russian.
5. Sukhanov EA. [On systematisation of legal entities in modern Russian law]. In: Medvedev DA, editor. *Kodifikatsiya rossijskogo chasnogo prava* [Codification of Russian private law]. Moscow: Statut; 2019. p. 83–96. Russian.
6. Fleischer H. Die geschlossene Kapitalgesellschaft im Rechtsvergleich. *Zeitschrift für Unternehmens- und Gesellschaftsrecht.* 2016;45(1):36–83.
7. Kuznetsov AA, editor. *Korporativnoe pravo v ozhidanii peremen* [Corporate law in wait for changes]. Moscow: M-Logos; 2020. 462 p. Russian.
8. Du Plessis JJ, Luttermann C. Corporate governance in the EU, the OECD principles of corporate governance and corporate governance in selected other jurisdictions. In: Du Plessis JJ, Großfeld B, Luttermann C, Saenger I, Sandrock O, Casper M. *German corporate governance in international and European context.* Berlin: Springer; 2007. p. 215–256.
9. Salei AA, Shuba YA. [Certain aspects of realisation of the pre-emptive right of a participant in a corporative entity]. *Pravo.by.* 2017;6:59–63. Russian.
10. Salei AA, Tsarova LV. Improvement of conflict of laws on legal entities in the light of reforming of the Civil Code of the Republic of Belarus. *Pravo.by.* 2018;4:18–22. Russian.
11. Bazedov Yu. *Pravo otkrytykh obshchestv – chasnnoe i gosudarstvennoe regulirovanie mezhdunarodnykh otnoshenii: obshchii kurs mezhdunarodnogo chasnogo prava* [The law of open societies – private and public regulation of international relations: general course of international private law]. Moscow: Norma; 2016. 384 p. Russian.